В. И. Максимов

СТУГНА И ДНЕПР ИЛИ ИСТОРИЯ УТОПЛЕНИЯ ЮНОГО КНЯЗЯ РОСТИСЛАВА, БРАТА МОНОМАХОВА, ПО ТЕКСТУ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

История трагической гибели юного Ростислава, младшего брата Владимира Мономаха, в 1093 году, почти на 100 лет раньше похода Игоря, но тоже в результате неудачного похода на половцев, отразилась в Памятнике в беседе Игоря с рекой Донцом и по тексту первого издания состоит всего их трех фраз:

«Не тако ли, рече, рѢка Стугна
худу струю имѢя, пожрЪши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту?
Уношу Князю Ростиславу затвори ДнѢпрь темнѢ березѢ.
Плачется мати Ростиславя по уноши Князи РостиславѢ.»[1]

Первые издатели перевели это место так:

«"Не такова, примолвилЪ онЪ, рѢка Стугна!
Она пагубными струями пожираетЪ чужія ручьи,
и разбиваетЪ струги у кустовЪ."
Юному Князю Ростиславу затворилЪ ДнѢпрЪ берега темныя.
Плачется мать Ростиславова по юномЪ КнязѢ РостиславѢ.»

Содержание отрывка не слишком понятно ни в исходном тексте, ни в переводе. Вопросов для столь малого отрывка довольно много. Что такое *струги*, которые издатели понимали здесь как *суда*, *челны*, какова роль союза *и* (***и*** *струги*), что значит *ростре*, превратившееся в *разбивает*, о каких *кустах* идет речь, почему говорится о *Днепре*, хотя Ростислав утонул в Стугне, что подтверждается летописями, и почему его берег *темный* (а в переводе — *берега темные*)?

Это описание традиционно считается «темным местом» Памятника, и его толкования до сих пор неустойчивы.

В конструкции «и струги ростре на кусту» первые издатели понимали ***струги*** как ***суда***, и это определило перевод: «разбивает струги у кустов». Примерно то же написал в своем «Переложении» В. А. Жуковский: «струги меж кустов раздирает». Некоторое приукрашение внес И. А. Новиков: «струги растирает, влача по кустам». Очевидно, что смысла в этих высказываниях немного, и позже был

найден другой вариант перевода слова ***струги***: от *струга — струя, поток*. Первым это предложил в 1859 году М. А. Максимович, заметив: «Так и теперь в Поднепровской Украине называется проток бегучей воды между плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышом». Одновременно он полагал, что вместо ***рострe*** могло быть написано ***простре*** — от ***простереть***. Это, вместе с некоторым изменением расстановки знаков препинания, повлекло иную реконструкцию фразы:

«Не тако ли, рече,
рѢка Стугна
худу струю имѢя,
пожрѢши чужи ручьи и стругы ***п***ростре на кусту,
уношу Князю Ростиславу
затвори ДнѢпрь темнѢ березѢ.»

Подобного толкования придерживался Вс. Ф. Миллер: «поглотила она чужие ручьи, простерла волны (потоки) на кустарник».

Однако сохранение неуклюжей инверсии — «*пожрѢши* ручьи», но «струги *простре*», несогласованность глагольных форм (деепричастие и аорист) и неясная функция соединяющего их союза ***и*** стимулировали дальнейшие поиски толкования. Вслед за М. А. Максимовичем, предположившим, что *рострена* — это *расширена* и произошло как искаженное *простре* (от *простирать*), Н. С. Тихонравов предложил читать «рострена к усту»: «Стугна … пожравши чужие ручьи и к устью (усту) расширенная (рострена) волнами (струги) затворила Днепр».

Современные комментарии сообщают: «глагол *ростре* неизвестен, но отмечаются приставочные формы, в первую очередь *простерти*.» Однако *рострена* — причастие, и перевод глаголом *расширилась*, отражающим временное состояние реки в половодье, не соответствует исходному тексту, а сохранение причастия *расширена* как постоянной характеристики лишено смысла, что отмечал еще Н. К. Гудзий: «каждая река к устью расширяется, и ничего характерного для Стугны нет.» Тем не менее, версию «рострена к усту» приняли А. А. Потебня, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, В. И. Стеллецкий, О. В. Творогов, Н. А. Мещерский.

В современных изданиях Памятника существуют два основных варианта прочтения этих строк, оба включающие конъектуру «рострена кЪ усту (устью)» и различающиеся принятием или непринятием конъектуры «днѢ при»[2] вместо «ДнѢпрь»[3]. При этом *струги* обозначают однородные с *ручьями* водные потоки.

Конъектура «рострена кЪ устью» была принята еще в первом издании Памятника в Большой серии Библиотеки поэта[4], а приведен-

ный там перевод А.С. Орлова — «заключила она на дне у темного берега юношу князя Ростислава» — неявно включает и конъектуру «днѢ при», хотя в реконструированном тексте сохранено «затвори ДнѢпрь темнѢ березѢ».

В последующих изданиях Памятника в Большой серии Библиотеки поэта под общей редакцией Д.С. Лихачева[5, 6] эта конъектура включена в реконструированный текст (при различной степени восстановления древнерусской грамматики и несколько различающейся пунктуации):

«Не тако ли, рече, рѢка Стугна:
худу струю имѢя,
пожрЪши чужи ручьи и стругы,
рострена к усту,
уношу князю Ростиславу затвори
днѢ при темнѢ березѢ.
Плачется мати Ростиславля
по уноши князи РостиславѢ.»

Эта же реконструкция текста в упрощенной орфографии воспроизведена в хрестоматии «Литература Древней Руси»[7] — последней публикации Памятника при жизни Д.С. Лихачева. Ей соответствуют и последние переводы Л.А. Дмитриева — Д.С. Лихачева:

«Не такая, говорят, река Стугна:
злую струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки,
расширилась к устью
и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега.
Плачет(ся) мать Ростислава по юноше князе Ростиславе.»[8]

Версии с заменой *ДнѢпрь* на *днѢ при* придерживаются также В.В. Колесов[9] и А.А. Косоруков: «Затянула Стугна под берег темный юношу, князя Ростислава.»[10]

Тем не менее, в других изданиях Памятника[11, 12, 13, 14, 15] Д.С. Лихачев сохранял вариант с *Днепром*: «ДнѢпрь темнѢ березѢ плачется мати Ростиславля по уноши князи РостиславѢ.» Этому варианту соответствуют и его объяснительные переводы, сопровождающие многие здания Памятника: «Не такова-то, — говорит (он, князь Игорь), — река Стугна; мелкое течение имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная (благодаря этим «чужим», враждебным водам) к устью, юношу князя Ростислава заключила (она в себе). На темном берегу Днепра плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе.»

Необходимо также отметить, что некоторые современные исследователи Памятника, принимая конъектуру «днѢ при», не согласны с конъектурой «рострена к усту». Так, И.И. Шкляревский[16] придержи-

вается прочтения первых издателей — «ростре **на** кусту» и в поддержку ссылается на мнение А. Н. Робинсона. Хотя, связанный с этим толкованием слова, его перевод, превращающий «ростре ***на кусту***» в «***под куст*** затянула», представляется довольно странным.

Таким образом, неустойчивость толкования, реконструкции и перевода этого места все еще сохраняется.[17]

Отметим при этом, что большая часть исследователей приняла версию *рострена — расширена*. А после того, как в 1975 г. исследователь местных говоров В. А. Козырев опубликовал статью, в которой, в частности, говорится: «В Брянской области нами записано следующее: «Б**а**нка — эта адн**о**, а т**о** кукш**ы**н, виш, с р**у**шишькЪй, нЪвярх**у** растр**е**ный (то есть «расширенный, более широкий»))»[18] вопрос о переводе этого слова вообще перестал обсуждаться. Ссылка на эту статью включена в «Словарь-справочник» В. Л. Виноградовой.[19]

Однако вряд ли это объяснение можно считать убедительным, как в силу различия формы слов (***рос***- и ***рас***-), так и из-за исторической удаленности представленного В. А. Козыревым свидетельства. Кстати, глядя на любой кувшин (глечик, горлач, крынку, жбан), мы видим, что он не просто расширяется наверху, но расширяется после сужения, по-старому пережабины. Что же касается упомянутого выше мнения А.Н. Робинсона, который, в свою очередь, сослался на И. И. Срезневского (*ростре — затереть*), следует отметить, что эта отсылка не только неточная, так как в «Словаре» И. И. Срезневского древнерусский глагол указан в формах **рострѢти**, **рострy**, но и безосновательная. И. И. Срезневский, очевидным образом, придумал это слово в контексте современных ему переводов Памятника, поскольку в качестве *единственного* примера употребления он приводит именно эту строку: «РѢка Стугна худу струю имѢя, пожрЪши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. *Сл. плк. Игор.*»

Что мы знаем о Стугне? Река — невелика, поэтому ее «официальное» описание выглядит довольно скромно: «Стугна — река в Киевской области УССР, правый приток Днепра (впадает в Каневское водохранилище). /…/ Имеет равнинный характер. Питание снеговое и дождевое.»[20] Однако за рамками этого описания остается интересующая нас особенность: поскольку правый берег Днепра в этом районе, между Киевскими горами и находящимися ниже по течению Каневскими горами (Каневским ярусом), высокий, перед впадением в Днепр она должна была прорезать эту возвышенность, и, следовательно, быть узкой, зажатой в ущелье.

В книге «Читаю «Слово о полку…»» И. И. Шкляревский пишет: «В сентябре 1983 года в Киеве закончился Международный съезд

славистов, и мы поехали в Белую Церковь. Автобус остановился перед мостом. /…/

— Вот и Стугна, — сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Мы стояли на берегу узкой темной речки, не так уж далеко от ее впадения в Днепр. Странно, ничто не шевельнулось в душе. Медленно текла Стугна, блестело на воде косое солнце, молчали в лодках рыбаки. У моста стояла целая дружина именитых славистов: Дмитриев, Панченко, Творогов, Колесов.»

Как говорится, не там стояли. Дорога, соединяющая Киев с Белой Церковью, на которой в 1983 г. вместе с автором стояли над Стугной участники Международного съезда славистов пересекает Стугну довольно далеко от ее впадения в Днепр (примерно в 40 км от современного села Триполье). Это — равнинная часть реки. К тому же нынешняя Стугна, текущая по луговине, совсем не похожа на ту, что была моложе почти на 1000 лет: бывшее устье Стугны, впадавшей в Днепр близ старого Треполя, лежит на дне Каневского водохранилища, построенного в 1972 г.

Тем не менее, существует определенное свидетельство существования узкой горловины Стугны при впадении ее в Днепр: «В память героев-комсомольцев (см. Трипольский поход 1919) на ***днепровской круче*** возле с. Триполья Обуховского района Киевской области в 1956 установлен обелиск.»[21] Но Стугна не падала в Днепр водопадом. Значит, она прорезала эту кручу ущельем. Следует также обратить внимание на то, что на карте 1967 года место после пересечения Стугны с дорогой из Киева на Кагарлык, примерно в 10—12 км от ее впадения в Днепр, обозначено, как низина. По-видимому, здесь было место разлива стиснутой в устье реки, когда ее русло переполнялось водой в результате весеннего либо дождевого паводка.

Поэтому, исходя из географических особенностей местности, по которой протекала река, *рострена кЪ усту* следует понимать не как *расширена к устью*, а как *сужена к устью*. К тому же, автор «Слова» указал не место — ***в*** *устье*, а только направление в сторону устья — *рострена* ***кЪ*** *устью*. Именно при сужении реки возникает быстрое, сильное течение[22] и более глубокое русло, что, по-видимому, и стало причиной гибели юного Ростислава. Слишком близко к месту впадения Стугны в Днепр стали переходить реку отступающие от Треполя войска Мономаха. И хотя там река была уже, течение было более быстрым. Вот и унесло Ростислава потоком. Тело же, скорее всего, нашли в устье Стугны, там, где она, расширяясь, становилась спокойнее, а вынос грунта образовывал отмели.

Чтобы обосновать значение слова ***ростре́на*** со смыслом *узкий, суженный* нужно найти подходящее производящее слово. Скорее всего, причастие ***рострен***(*а*) могло происходить от латинского rostrans — носомЪ, остриемЪ прорѢзывающий, разсѢкающий (part. от неупотр. rostrare)[23]. Словари предлагают довольно богатый ассортимент однокоренных слов, среди которых есть непосредственно связанные с судами и судовождением, что немаловажно, поскольку в рассматриваемом тексте речь идет о реке:

rostellum, i, n. (rostrum) носикЪ (птичий), мордочка, рыльце (у других животных), Col, Plin.

rostra (orum), n. см. rostrum.

rostralis, adj. принадлежащий колоннѢ изЪ корабельных носов: r. tabula, Sid.

rostratus, adj. (rostrum) имѢющий птичий носЪ /…/.

rostrum i, n. (rodere) ротЪ, носЪ птичий. Cic., Ov., Liv.; рыло, морда, хобот у другихЪ животныхЪ /…/; особл. о корабельномЪ носѢ. Caes., Ov., Liv.

В медицинской латыни rostralis, adj. — *ростральный*, расположенный ближе к кончику носа, а также *тонкий*, *истонченный*.[24]

В русском языке прилагательное *ростральный* больше известно в связи с *ростральными колоннами* на стрелке Васильевского острова в Санкт-Петербурге, украшенными носами древних кораблей (от rostrum — нос корабля, то есть его зауженная кпереду, по ходу движения, часть, которая применялась как таран, часто подводный). И почему эта аналогия не пришла в голову коренному жителю города Д.С. Лихачеву?

Переходя к упоминанию в этом отрывке Днепра, отметим следующие основные возражения против этого:

1) юный Ростислав утонул в Стугне, а не в Днепре;

2) в то время как упоминание по ходу разговора Игоря с Донцом Стугны обусловлено их «историческим антагонизмом», упоминание здесь Днепра маловероятно;

3) неясно, почему берег Днепра *темный*, в то время как *темный берег Стугны* объяснить можно;

4) вызывает сомнения грамматическая форма слова: написание через *Ѣ*, в то время как в плаче Ярославны — «о Дн***е***пре словутицю!» — и в «Задонщине» оно написано через *е*, неясное падежное окончание -*ь* на конце слова (должно быть *Днепра* или *ДнепрѢ темнѢ березѢ*; либо *затвори ДнепрЪ*).

Одним из обоснований этих возражений против возможного упоминания в стихе Днепра служит принимаемое другими исследовате-

лями логическое построение М.В. Щепкиной: «Сравнение идет между недоброй рекой Стугной и благодетельной — Донцом. Поэтому вряд ли можно ожидать в этом месте название третьей реки Днепра, — это нарушило бы художественный образ противопоставления. При этом надо принять во внимание, что обычные эпитеты берега — крутой, зеленый. Берег может быть назван темным только когда он под водой.» Отсюда следовало, что темным может быть только берег Стугны. Природное обоснование темного берега Стугны приводит Л.Е. Махновец: «Особое внимание обращаю на то, что берега Стугны в этой песчаной гряде — белые, и тут, где гряда обрывается к болотам, берега черным-черны от тысячелетних и давних залежей гумуса. Это и есть то место Стугны, где «днѢ при темнѢ березѢ» возле дороги на Киев, она «затвори» князя Ростислава.»[25] Однако, видимо, в связи с некоторыми сомнениями в правильности этих объяснений в комментарии к этому месту в 3-м издании в Большой серии Библиотеки поэта, в частности, говорится: «прилагательное «темный» имеет здесь не столько цветовую, сколько эмоциональную окраску.»

Упомянутое выше написание через **Ѣ** и отсутствие согласования слова *ДнѢпрь* обычно и толкуется как «серьезные затруднения грамматического характера»[26]. Однако конъектурные согласования, необходимые для поддержания других версий толкования: «Стугна … юнош**Ѣ** князю Ростиславу затвори ДнѢпр**Ъ**» либо «юношу княз**я** Ростислав**а** затвори **днѢ пр*и***», значительнее, чем исправление одной буквы — «ДнѢпр**Ѣ** темнѢ березѢ» (ср. *НемизѢ кровави брезѢ*). К тому же в Памятнике достаточно часто встречается разнописание **Ѣ-е**, в том числе в «именных» словах. Так, имеем *Полов**е**цькую*, *Полов**е**цкыми* (всего это слово написано через **е** в разных родах и падежах 15 раз), но есть *Полов**Ѣ**цькую*, *Полов**Ѣ**цкыми*. Кроме того, судя по «Словарю» И.И. Срезневского, есть список «Слова о Задонщине» с написанием Днепра через *Ѣ*: «Уже бо всташа силнии вѢтри сЪ моря, прилелѢяша тучю велику на усть ***НѢпра*** на русскую землю.» Правда, по академическому изданию «Сказания и повести о Куликовской битве»[27] такого написания в этом месте текста нет ни в одном списке, зато есть «веслы ***НѢпрЪ*** запрудить» — по списку Ундольского и во всех других списках с разными глаголами вместо *запрудить*.

Здесь следует отметить, что формальный грамматический подход при реконструкции текста Памятника не всегда гарантирует успех. Именно *берегам* в Памятнике не очень повезло с грамматикой. В отношении рассматриваемой фразы это видно, в частности, из комментария ко 2-му изданию в Большой серии Библиотеки поэта: «Исходя из перевода первого издания следовало бы ожидать *темны берегы*

(но впрочем: *НемизѢ кровави брезѢ* также ошибочно вместо *брези*)». Заметим, однако, что из перевода *берега темныя* должно следовать не множественное *темны берегы*, а двойственное *темна б*(е)*рега*, поскольку берегов у любой реки — всего два.

Кроме рассматриваемого случая *берега* упоминаются в тексте еще четыре раза:

«Ту ся брата разлучиста на ***брезѢ*** быстрой Каялы»;

«Се бо Готскія красныя дѢвы вЪспѢша на ***брезѢ*** синему морю»;

«НемизѢ кровави ***брезѢ*** не бологомЪ бяхуть посѢяни, посѢяни костьми РускихЪ сыновЪ»;

«стлавшу ему зелѢну траву на своихЪ сребреныхЪ ***брезѢхЪ***».

И только в первом случае фраза грамматически безупречна. Во втором случае наблюдается небольшое отклонение от грамматики: поскольку два дополнения разного уровня оказались под прямым управлением одного глагола: «вЪспѢша на брезѢ» и «вЪспѢша синему морю», то это повлекло отклонение от правильного «вЪспеша на брезѢ синя моря». А в двух последних *берега* вместо *двойственного* числа оказываются во *множественном*. Но если в последней фразе для множественного числа все правильно, то меньше повезло знаменитому «НемизѢ кровави ***брезѢ***», где *берега*, видимо под влиянием *Немиги*, изменяются по женскому типу. Ибо во множественном числе должно было быть «кровави ***брези***», а в двойственном — вообще далекое от текста «***кровава брега*** не бологомЪ ***бяста посѢяна***, ***посѢяна*** костьми РускихЪ сыновЪ.» Обычно в реконструкциях сохраняется форма первого издания ***брезѢ***. Даже Н. А. Мещерский, в 3-м издании Памятника в Большой серии Библиотеки поэта педантично реконструируя и комментируя древнерусский текст, не затрагивает эту строку. В отличие от него В. В. Колесов вместо того, чтобы согласовать существительное — *кровави* ***брези***, согласовывает прилагательное — ***кровавѢ*** *брезѢ*, возможно считая, что исходное *брезѢ* автор рассматривал как аллитерацию к *НемизѢ* (форма *НемизѢ кровавѢ брезѢ* — правильная для двойственного числа по женскому типу — им. и вин. падежи).

Поэтому при толковании стиха следует отдавать предпочтение смыслу, а не формальному соблюдению древнерусской грамматики. Здесь, кстати, следует заметить, что необходимо различать *дно* и *берег*, происходящий от berg — гора. Затопленный берег, находящийся в воде — это, все-таки, скорее *дно*. Поэтому даже при прочтении «затвори днѢ при темнѢ березѢ», то есть «скрыла на дне у темного берега», вряд ли следует полагать, что берег тоже находится под водой.

И вот здесь следует указать на недостаточность логического построения М.В. Щепкиной, считавшей, что берег может быть *темным* только тогда, когда он под водой. По-видимому, здесь речь идет не о береге реки, где утонул Ростислав, а о совсем другом береге — высоком киевском береге Днепра, на котором плачет по сыну мать Ростислава. Поскольку этот берег — западный, то и темным становится раньше, чем садится солнце. Темной становится не только его круча, но и Днепр под ней там, куда падает его тень. Даже когда река еще освещена прямым солнечным светом, берег не подсвечивается снизу и остается темным, поскольку свет практически не рассеивается от поверхности воды в обратном направлении. Причем, берег становился темным не поздним вечером, а заметно раньше. Если береговой склон в том месте, где находился древний Киев, имел крутизну, например, 30° (это как наклон эскалатора в метро, по которому мы может без особого труда идти, как вверх так и вниз), то солнце переставало освещать его уже за 2 часа до захода. А поскольку Днепр — река широкая, то низкий восточный берег еще довольно долго оставался освещенным лучами солнца, то есть был *светлым*. Таким образом, в этом месте текста Памятника неявно присутствует противопоставление *темный — светлый*, так же как в других местах текста понятие *тьма* противопоставляется понятию *свет*.

Есть в первом издании Памятника примечание, на которое почему-то не принято обращать внимания при толковании этого стиха. Касается оно происхождения князя Ростислава — он был сводным братом Владимира Мономаха, и по матери — половцем: «Юный Князь *РостиславЪ* сынЪ Великаго Князя *Всеволода* I и Великія Княгини *Анны*, дочери Половецкаго Князя утонулЪ на рѢкѢ *СтугнѢ* 1093 года, когда там разбиты были Россійскія войска отЪ ПоловцевЪ.» Половецкая княжна Анна как мать Ростислава указана также в родословной таблице русских князей (составитель М.А. Робинсон), приложенной к юбилейному изданию «Слово о полку Игореве. 800 лет».

Таким образом, существует возможность толкования этого места текста способом, который, в отличие от принятых толкований, не влечет за собой лапидарное «Плачется мати Ростиславля по уноши князи РостиславѢ.» При этом следует также отметить, что в Памятнике, в отличие от однократного действия по летописи — *«Ростислава же искавше обрѢтоше в рѢцѢ; и вземше принесоша и Киеву, и* ***плакася*** *по немь мати его»* — употреблен глагол ***плачется***, указывающий на неоднократное действие. Плачет мать Ростислава вечерами на днепровском берегу. При этом глядит она на противоположный, левый берег Днепра, туда, где находился Переяславль, в котором

княжил ее сын. И к тому же в сторону своей родины — земли половецкой, возможно, считая гибель сына наказанием за то, что он пошел воевать против сородичей. При этом последние строки стиха не требуют конъектуры (за исключением расстановки знаков препинания):

«ДнЂпрь темнЂ березЂ
плачется мати Ростиславя
по уноши Князи РостиславЂ.»

Что касается несогласованной формы притяжательного прилагательного *ДнЂпрь*, то в ее защиту можно указать запись с несогласованной формой дополнения в «Повести временных лет» под 1026 годом, когда Ярослав (Мудрый) и его брат Мстислав «раздЂлиста по *ДнЂпрЪ* Руськую землю. Ярослав прия сю сторону, а Мстислав ону.»

И в заключение — несколько замечаний в связи с упомянутыми выше объяснительными переводами этого «темного» места. Нет никаких оснований считать «чужие» воды, которые вобрала в себя Стугна, враждебными (так принято толковать «чужие»). В более поздних толкованиях «чужие» воды объясняются даже как «с половецкой стороны текущие», что совсем неправдоподобно, поскольку вряд ли можно считать половецкой стороной местность на днепровском правобережье, прилегающую к Киеву с запада, особенно с учетом того, что с юга «бассейн» Стугны ограничен Росью, текущей с запада на восток. Здесь «чужие» воды — просто воды других источников, наполнявшие реку в половодье (своей воды в Стугне обычно было мало, и река свободно протекала через узкое место при впадении в Днепр).

Точно так же «худа» — это маловодна, а не зла. Только в силу чрезмерного увлечения символическими толкованиями некоторых мест Памятника ***худая*** *струя* Стугны вместо презрительного, уничижительного *ничтожная* («АзЪ *худый*, … наречный вЪ крещении Василий, русьскимь именемь ВолодимирЪ» — начинал свое «Поучение» Владимир Мономах; «Се іазЪ *худыи* грешныи рабЪ божии» — писал в духовной грамоте Симеон Гордый в 1353 г.) окончательно стала ***злой***. А речь-то идет всего лишь о том, что юный князь Ростислав утонул в половодье в обычно мелкой реке Стугне. Это половодье и есть «пожрЪши чужи ручьи и струги». Стугна не пришла на помощь «своим», как благородный Донец, но совершила предательство. Обычно маловодная река, что подтверждается исторически переходами ее вброд, в половодье перед впадением в Днепр превращалась в стремительный поток в узком русле. Именно этим Стугна и отличалась от других рек, плавно расширяющихся к устью, и если бы этого отличия не было, автор Памятника не стал бы указывать на него особо.

К сожалению, выяснить определенно, как именно выглядело русло Стугны перед впадением ее в Днепр, не представляется возможным, во-первых, за давностью времен и изменчивостью берегов, а во-вторых, потому что это место с 1972 года находится на дне Каневского водохранилища. Хотя, возможно, где-то в проектных документах водохранилища это описание сохранилось.

Таким образом, рассматриваемое «темное место» в целом, в давно построенной реконструкции, включающей единственную конъектуру «рострена кЪ усту» (не считая расстановки знаков препинания) —

«Не тако ли, рече, рЂка Стугна,
худу струю имЂя,
пожрЪши чужи ручьи и стругы,
рострена кЪ усту,
уношу Князю Ростиславу затвори.
ДнЂпрь темнЂ березЂ
плачется мати Ростиславя
по уноши Князи РостиславЂ.» —
может быть объяснено так:
«Не такова, молвил (Донец), река Стугна,
маловодная сама по себе,
поглотив (в половодье) другие ручьи и потоки,
сужена (стиснута берегами) к устью,
юного князя Ростислава скрыла (под водой).
На темном днепровском берегу
плачет (вечерами) мать Ростислава
по юному князю Ростиславу.»

При этом необходимо отметить, что в части толкования последней фразы объяснительный перевод Д. С. Лихачева «На темном берегу Днепра плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе», хотя и не содержит объяснения как такового, оказывается вполне правильным.

Примечания

1. Екатерининская копия воспроизводит эту часть текста Памятника лишь с мелкими отличиями, не оказывающими влияния на возможное толкование сказанного: слитно написано *Нетако*, притяжательное прилагательное *Ростиславля* имеет грамматически правильную форму, слово *Уноши* (в последней строке) написано с заглавной буквы (видимо, под влиянием начала следующей строки — *Уныша*).

2. Конъектуру «Уношу князя Ростислава затвори днЂ при темнЂ березЂ» еще в XIX веке предложил П. П. Вяземский. С ним согласился Вс. Ф. Миллер, обратив, однако, внимание на *предложное* управление в аналогичной конструкции «***вЪ днЂ*** Каялы».

3. При сохранении Днепра прочтение распадается на два варианта:

«Уношу Князю Ростиславу затвори ДнЂпрь темнЂ березЂ.» — полностью соответствующий тексту первого издания, принимавшийся некоторыми исследователями, но в современных изданиях не встречающийся,

и исправленный — «ДнѢпрь темнѢ березѢ плачется мати Ростиславя по уноши Князи РостиславѢ.»

[4] *Слово* о полку Игореве. БС БП, Л,. Советский писатель, 1952.

[5] *Слово* о полку Игореве. БС БП, 2-е изд. (Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, О.В. Творогов). Л,. Советский писатель, 1967.

[6] *Слово* о полку Игореве. БС БП, 3-е изд. 1985 (Н.А. Мещерский, Д.С. Лихачев). Л,. Советский писатель, 1985.

[7] *Литература* Древней Руси. Хрестоматия (Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев). СПб., «Академический проект», 1997.

[8] «Общие» падежные окончания **-е** в блоке «по юноше князе Ростиславе» представляются некоторым анахронизмом: по современным нормам предпочтительнее «по юноше князю Ростиславу».

[9] *Колесов В.В.* ТОДРЛ, т.31, 1976, с. 37—43.

[10] *Косоруков А.А.* Гений без имени. М., Современник, 1976.

[11] *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк». М., Просвещение, 1976.

[12] *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве. Пособие для учителей». 2-е изд. М., 1982.

[13] *Слово* о полку Игореве. (Классики и современники). М., Художественная литература, 1985.

[14] Слово о полку Игореве. 800 лет. М., 1986. Только в представленной в этом издании реконструкции напечатано правильно, исходя из притяжательного прилагательного *ДнѢпрь*: «ДнѢпр**и** темнѢ березѢ плачется мати Ростиславля».

[15] *Слово* о полку Игореве. МС БП, М., 1990.

[16] *Шкляревский И.И.* «Читаю «Слово о полку…»»». М., Просвещение, 1991.

[17] Довольно странной представляется возникшая в конце XIX века версия «Стугна … юношу князю Ростиславу затворила Днепр» (А.И. Смирнов, Е.В. Барсов), подразумевающая, что Ростислав мог спастись, если бы вместе с братом Владимиром дошел до Днепра, а Стугна затворила (отрезала) ему путь к спасению. Версия основана на летописном рассказе о спасении других участников похода. Плоха она, однако, не тем, что нужно исправить падежную форму *юношу* на *юноше* (такую правку ради придания фразе смысла можно считать допустимой) и не странным толкованием глагола *затвори*, а возникающим далее по тексту *безадресным* темным берегом, на котором плачется мать Ростислава. А этот берег может быть только днепровским, поскольку по летописным данным тело Ростислава нашли в реке и привезли в Киев: «Ростислава же искавше обрѢтоше в рѢцѢ; и вземше принесоша и (его) Киеву, и плакася по немь мати его».

[18] *Козырев В.А.* «Слово о полку Игореве» и современные русские народные говоры. Журнал «Русская речь», 1975, №5, с. 25—32. Из формы записи, однако, следует, что пояснение «то есть «расширенный, более широкий»» принадлежит автору статьи.

[19] *Словарь*-справочник «Слова о полку Игореве» (сост. В.Л. Виноградова). Вып. 6, с. 235.

[20] *Украинская* советская энциклопедия. Т. 10. Киев, 1984. С. 504, ст. **Стугна**.

[21] *Украинская* советская энциклопедия. Т. 3. Киев, 1980. С. 389, ст. **Днепр**.

[22] Довольно странно читать у А.А. Косорукова «*бурлит*, ширится к устью». Расширяясь к устью, река замедляет свое течение, оно становится более спокойным и плавным.

[23] Полный латинский словарь. М., 1862.

[24] См., например, Валл Г.И. Латинский язык. Учебник для ветеринарных специальностей вузов. М., ВШ, 1990. С. 172.

[25] *Махновец Л.Е.* Про автора «Слова о полку Ігоревім», Київ, 1989.

[26] Энциклопедия «Слова о полку Игореве».

[27] *Сказания* и повести о Куликовской битве». М., Наука, 1982.